

Предисловие к первому разделу – «Образы языка и многоязычия в различных типах дискурсов»

Статьи первого раздела выполнены в рамках гранта Президента РФ, выделенного на поддержку ведущих научных школ (НШ-2084.2014.6 «Образы языка и многоязычия в различных типах дискурсов»). В них исследуются образы, в которых язык предстает в рамках различных типов речи.

Образы эти многообразны и весьма вариативны.

Во всех образах, в которых язык предстает в речи (и по-русски, и на других языках), как показывает В.З. Демьянков, проглядывается двойной образ языка: язык как «склад» (набор выразительных средств) и язык как «сцена» (на которой происходит манипулирование этими выразительными средствами).

Образы, которые язык принимает в речи, весьма вариативны. Как демонстрируется в исследовании Н.М. Азаровой, даже дублетные именованья для одних и тех же сущностей (создаваемые для того, чтобы перенести в рамки одного языка образы, уже используемые в рамках другого языка), далеко не всегда являются абсолютными синонимами и допускают свободу для творческого («креативного») восприятия речи. Так, идея, лежащая за словом *творчество*, онтологична, а смысл термина *креативность* переносит нас в область лингвистической технологии создания новых знаний и значений.

И.В. Зыкова устанавливает, что в английской фразеологии и в англоязычном научном дискурсе очень широко представлен образ языка как игры (*language as play*).

В статье И.А. Пильщикова демонстрируется, что в истории российской филологии термин *образ* связан с лингвистическим анализом речи и входит в систему понятий, включающих «внутреннюю форму слова». В.В. Фещенко рассматривает динамика «борьбы» между формой и содержанием речи в русском искусстве слова и в российской филологии.

Проанализировав современные теории коммуникативной структуры предложения, Т.Е. Янко выдвигает гипотезу о том, что в звучащей речи композиционные (неидиоматичные) процессы вступают во взаимодействие с идиоматичными. Поэтому при восприятии звучащей речи возникает игра

смыслов: некоторый базовый смысл (который хотел донести до адресата говорящий) трансформируется, обогащается и предстает в виде реального коммуникативного смысла, со всеми драматическими поворотами интонации, логических ударений, вариаций голоса и т.п.

Для установления и поддержания связей между миром самим по себе и «мировидением» важнейшую роль при создании и восприятии речи играют концепты. Этой проблеме посвящена статья В.И. Постоваловой. Так, концепты «тихости», «кротости» и «смирения», являются ключевыми для истолкования русской православной духовности и проявляется в «некоторых смысловых привнесениях в греческий литургический текст при переводах на церковнославянский язык и последующих русских истолкованиях церковнославянского текста».

По мнению А.В. Вдовиченко, термин *язык* и его эквиваленты не передает всех смыслов, которые предназначен доносить. Трудности, с которыми сталкиваются интерпретаторы ветхозаветных текстов, преодолеваются, если исходить из следующей презумпции: «библейские писатели или переводчики осознавали условия осуществляемой коммуникации и действовали в соответствии с ними». В частности, только в рамках герменевтической гармонии возможно адекватно понять тексты с кажущимися нарушениями грамматических и лексических норм. На этом принципе покоится «дискурсивный» метод, когда главные усилия при истолковании речи направлены на воссоздание ситуации, в которой протекало вербальное действие, результатом которой является истолковываемая речь.

Сама коммуникация может быть «нормальной» и «девиантной» (последнее, например, в «театре абсурда»). Оба вида, как показывает С.Б. Бочавер, обладают своими образами в текстах о человеке, а интерпретация речи в различных условиях обладает своими закономерностями, проследить которые бывает интересно и поучительно.

Одним из факторов, усложняющих применение принципа гармонии, является наличие не прямых именованных предметов даже тогда, когда имеются вполне определенные общепринятые прямые именованные. В таких случаях, как показывает М.И. Киосе, непосредственным предметом интерпретации становится не имя, а некоторый специально конструируемый образ референта. Центр тяжести при таком подходе переносится на языковые и внеязыковые условия, при которых создается этот образ.

Соотношению «коммуникативных стратегий» и языковых приемов, эти стратегии реализующих, на материале русского авангардного дискурса и языка рекламы посвящено исследование О.В. Соколовой. Особенно показательно дальнейшее влияние технологии построения образов на PR-технологии современной России.

Перечисленные направления исследований не исчерпывают всего многообразия проблем и подходов к их решению. Можно выразить надежду, что контуры образов языка, очерченные данным коллективом авторов, получат дальнейшее уточнение в последующих публикациях.

В.З. Демьянков